

Мозговой В.И. Кризис языка и иллюзативные трансформации современной действительности // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей [Текст]; под ред. О. С. Фисенко, Л. В. Адониной. – Москва: Рибэст, 2013. – 343 с. (Серия «Молодой филолог». Вып. 3) – С. 18-24/

КРИЗИС ЯЗЫКА И ИЛЛЮЗАТИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Мозговой В.И.

Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Украина

То, что язык находится в состоянии кризиса – мысль не новая, которая с периодическим постоянством возникает в любой культуре. Чаще всего она озвучивается старшим поколением, которое не может согласиться с речевыми нововведениями молодежи на уровне заимствованных слов, жаргонов, сленга, и подхватывается апологетами языкового пуризма и культуры речи. Однако движение за чистоту языка существовало и существует всегда, а «болезнь» модного выделения при помощи языковых новаций по мере взросления молодости излечивается, и языковая система оставляет в своем арсенале только обработанные и принятые ею языковые формы, которые тем не менее подвергаются новой коррекции следующими поколениями. Язык не может быть статичным образованием, данным обществу как константа, – он динамичен по своей природе и развивается постоянно в вечно новых условиях развивающегося общества.

С этой точки зрения кажется совершенно справедливым скептическое отношение к кризису русского языка, высказанное воронежским ученым И.А. Стерниным: «Так можно ли охарактеризовать современное состояние русского языка как кризис? С одной стороны, наше обыденное понимание слова *кризис* (резкое ухудшение, угрожающее существованию) вроде бы дает определенные основания говорить об этом – в русском языке наблюдается огромное количество иностранных слов, жаргонизмов, в повседневном общении распространяется грубость, мат, растет малограмотность и безграмотность во всех сферах. На самом же деле никакого кризиса в языке нет. Наоборот, русский язык сейчас переживает *период интенсивного развития*... Кризис есть в другом. Можно сказать, что в России наблюдается кризис культуры речи... Пренебрежение к культуре речи, утрата контроля за своей речью у многих людей самых разных социальных и профессиональных групп и есть кризис культуры речи. Причина этого кризиса – социальная. Колоссальные проблемы, навалившиеся на людей в период перехода общества к рыночной экономике, – нищета, безработица, слом стереотипов мышления и поведения и пр. привели к тому, что людям стало «не до языка»...» [4].

Между тем вряд ли в такой ситуации можно говорить и о кризисе речи, ибо те или иные модели речевого поведения возникают внутри социума как

отражение его физического и нравственного состояния на определенном этапе исторического бытия.

Совсем иные выводы и ассоциации возникают при настойчивой пропаганде «чистоты» языковой системы (например, украинской), выражающейся в «борьбе» с русской культурно-языковой «экспансией» (*переговори – перемовини, начальник – очільник, чільник, орудник, керманич, іній – иній, іржа – иржа, вертоліт – гвинтокрил, городяни – містяни, бюджет – б'юджет, вуз – виша, дівчина – юнка, член партії – членкиня, торговельний – торгівельний, кафедра – катедра*) или в навязывании обществу «истинно украинских» словоупотреблений, не имеющих никакого отношения к нормам культуры речи и общеязыковым тенденциям развития терминологической лексики, стремящейся к однозначности и интернационализации (*дівчина – юнка, листоп`ад – лист`опад, любл`ю – л`юблю, б`удемо – буд`емо, коаліціант – коаліціянт, Європа – Европа, автомобіль – автівка, фотографія – світлина, процент – відсоток, танцювати – гоцати, побити – відгамселити, в'язниця – буцегарня, аеродром – летовище, вертоліт – гвинтокрил, госпіталізувати – ушпиталити, карта – мапа, масштаб – мерило, екватор – рівноденник, афера – оборудка*). Такие «эталоны», рождающиеся на основе личных пристрастий и пожеланий их «авторов», изолируют украинскую нацию не только от якобы навязанного русско-украинского языкового контекста, но и от славянского и мирового культурного наследия вообще, а поэтому лишают языковую систему возможности к самоочищению и саморазвитию.

Таким образом, понимание языкового кризиса как системного явления или как кризиса культуры речи не совсем корректно, ибо любые изменения, происходящие **внутри** языка, не противоречат его природному механизму развития, который может подвергаться речевой коррекции лишь специалистами-филологами на уровне рекомендаций, позволяющих наиболее адекватно и продуктивно вести общекультурный, деловой и научный диалог внутри конкретной языковой общности в определенный период ее жизнедеятельности. В случаях же «борьбы за чистоту истинно национального языка» (хотя язык и борьба – вещи несовместимые) речь идет о **внешнем** внедрении моделей языкового поведения, изменяющих само общество.

Язык при субъективном отношении к нему как инструменту для навязывания идеологии поступков начинает трансформировать естественный мир и человека в этом мире на основе иллюзий (от лат. *illusio; illudere* – «играть. обманывать»), превращаясь в свою противоположность. Он продуцирует неадекватные восприятия, в результате которых происходит замена реального на вымысел, игнорирующий реально существующие внешние свойства объектов. Сознанием в этом случае воспринимается не сам объект, а его искаженный или деформированный в процессе восприятия образ. Природная энергетика языковой системы при субъективном обращении с нею на основе личных пристрастий и интересов допущенных к

влиянию на социум политиков становится опасной для существования любого общества и языка как общественного явления.

Рассмотреть эту опасность гораздо сложнее, нежели формальное словотворчество, потенциально возможное в речи любого представителя национально-языкового сообщества (а не только в молодежной или культурной среде), поскольку политические «конструкторы» общественного сознания, используя иллюзорную функцию языка, прикрываются благими мотивами сохранения и развития нации, общества и культуры. Иллюзорность их управленческой модели проявляется в настойчивом стремлении (возможно, и неосознанном) подчинить общезыковые нормы жизнедеятельности, сформированные человечеством на протяжении всего его существования, субъективным представлением о необходимости их реформирования, замены и даже последующего разрушения.

Вот почему непрекращающиеся попытки провести не мытьем, так катаньем «реформы орфографии» (хотя в исполнении «реформаторов» речь идет о фундаментальном изменении языковой системы на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, семантическом и лексическом), призывы «затянуть пояса ради благополучия государства» (хотя государство – это его граждане), «убедительные рекомендации», на каком языке общаться, какая история «правильная», какую литературу изучать и какая культура истинно национальная, равно как и увеличение контролирующих, регламентирующих и охранных органов, созданных якобы для защиты граждан «від зрушення», от коррупции и преступности, совершенно справедливо воспринимается большинством как стагнация государственного механизма управления. Именно со стагнацией управленческой модели связано навязывание обществу мифов об «улучшении», «оптимизации» или «экономическом росте», превращающих человека в бездуховный и послушный инструмент для реализации планов личного обогащения и получения сверхприбыли управленческо-олигархической элитой, при достижении которых напрочь игнорируется естественно-языковая природа управления, мышления, созидания и культурного развития:

1. Язык и его конкретный социальный статус в такой экономико-политической парадигме все больше воспринимается как устройство для манипуляции человеческим разумом, сознанием и действием. Иллюзорность механистического отношения к человеку и его деятельности базируется на том, что языковая система заложена в ребенке при рождении как умение дышать, двигаться, видеть или слышать, а поэтому природа якобы наделяет народы разными с точки зрения развития языками, которое можно и нужно «корректировать». При такой интерпретации происхождения и предназначения языка совсем недалеко до насильственного внедрения «развитой языковой культуры» и до современной акцентной идеализации «титупьной нации» (неважно, украинской, русской, английской или американской). Жонглирование статусом тех или иных языков переворачивает их объективную природу с ног на голову, поскольку

социальная природа и сущность языка становятся зависимыми от личной позиции или прихоти очередного политического мессии.

Так происходит, например, со статуированием русского языка в Украине, который «политики от механики» не знают, куда «пристроить». По Конституции его отнесли к языку национальных меньшинств, по решению Верховной Рады он определен как один из региональных, а с точки зрения некоторых местных советов объявлен официальным, хотя объективно русский язык не является ни первым, ни вторым и ни третьим, а государственным наряду с государственным официальным украинским языком: и тот, и другой понимает большинство граждан всего государства независимо от национальности или территории проживания, а многие из них думают и говорят на них (см. об этом подробнее: [1]). На первый взгляд кажется, что подмена языковых реалий касается только Украины. Однако это далеко не так.

Практически такая же проблема стоит перед всем «демократическим обществом», что заставляет задуматься о будущем языковой цивилизации и каждого из нас как ее представителя. Вот как, например, оценивает отношение политиков (а в последующем и общества) к языку и филологии американский ученый и публицист Шелдон Поллок: «Один из вызовов, с которым сталкивается филология в США сегодня, легко описать – это экономика, самая жесткая составляющая нового жесткого мира. С точки зрения главного фининспектора, филология – это разорительный для бюджета кошмар, трудоемкое, доиндустриальное, кустарное ремесло, которое сильнейшим образом контрастирует с фордовским методом и массовым маркетингом большинства гуманитарных наук» [3].

2. Природная первичность устного общения и вторичность письменной речи с ее способностью к кодированию для передачи во времени и пространстве информации при торжестве «операционного менеджмента» объявлены, по сути, вне закона, что является следствием механистического отношения к языку как таковому:

- диалогическая природа первичной материи языка в его устном исполнении (в начале было Слово...) постепенно заменилась антилогом как наиболее приемлемом механизме для политических или бизнесовых «разборок»;

- формирование культуры устного высказывания поглотилось иллюзативным письменным (компьютерным) тестированием – универсальным и, главное, быстрым и необременительным для бюджета средством контроля и обучения;

- трехкомпонентная языковая модель управления («мысль» – «общественный диалог» – «закон»), естественно повторяющая развитие языка, речи и общества как такового, была упрощена до двухкомпонентной манипуляции общественным сознанием («изменение общественного сознания на основе языковых иллюзий») – «их субъективное внедрение в трансформированную реальность и практическую деятельность» [2: 172-174];

– главная единица письменной речи – текст – подменена репликами на уровне СМС или вообще выхолощена из школьной и вузовской программы. Художественная литература как основное средство формирования нации, ее эстетических вкусов и взглядов на мир при ее оценке с точки зрения «бизнесмена-прагматика» стала конспективным придатком для финансовой или политической деятельности. В результате украинская литература превратилась в литературу на украинском языке (из нее были изъяты русскоязычные произведения Т. Шевченко, Марко Вовчок, В. Короленко, Н. Гоголя, М. Булгакова); всемирно известные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Грибоедова, Л. Толстого или Ф. Достоевского, естественно воспринимаемые украинским читателем с детства, перекочевали в зарубежную литературу для выборочного знакомства на украинском языке, а тексты «Слова о полку Игоревом» и Г. Сковороды стало возможным презентовать как безусловно украинские по духу и по форме в украинском переводе. Иллюзия «споконвічної українськості» овладела умами подрастающего поколения.

3. Многообразная функциональная палитра современного языкового общения (коммуникативная, познавательная, мыслеобразующая, профессиональная, номинативная, экспрессивная и эстетическо-культурологичная функции) постепенно поглотились иллюзиями:

– позитивная направленность диалога (коммуникативность) для выработки социально корректных решений была заменена агрессивным антилогом политиков и бизнесовых «авторитетов» для выяснения отношений;

– познавательность стала подаваться как политически заангажированный подбор выхваченных из контекста околонуточных и околхудожественных знаний;

– мысль все шире презентовалась на основе волюнтаривной функции, публицистического внушения, неозвученного действия или приказа без профессионального обсуждения и последующих определений, попадающих в разряд «номинативных изысков» («надо не говорить, а дело делать»!);

– эстетическо-культурологичная функция языка как средства **общности** и структуризации национальных коллективов на основе общей философии, мировосприятия, психологии, но бесконечно многообразных форм их проявления стараниями механиков от политики и политиков от механики постепенно упростилась в сознании обывателя до примитивного уровня **общения** «на родном языке» (конечно же, одном для всех, неважно, украинском, русском или англоамериканском?!), которое якобы способно сплотить государство единой национальной идеей.

Таким образом, внешне навязанные обществу языковые модели поведения на наших глазах превратились в фантом, подменяющий реальный мир, трансформирующий действительность и маскирующий нереальность и антисоциальность действий и поступков управленческой «элиты» – поведенческо-языковые клише *как бы диалог, как бы текст, типа дело, типа наука, как бы «самый честный канал», типа учусь, типа работаю*

начали продуцировать соответствующие «нормы» общественного поведения. Иллюзии, обозначенные политиками как конечная цель развития, стали уничтожать саму его возможность, ибо они расчленили природную ткань общественного сознания навязанным индивидуализмом собственника, способным уничтожить язык вообще и его человеческую природу. Так постепенно современная политизация языковых явлений, сопровождаемая конфликтами, превратило заложенный природой конструктивный потенциал языковых функций в коррозионный материал искусственно созданной для этого иллюзативной антифункции как средства навязывания обществу фиктивной деятельности, якобы во имя развития и прогресса. Примеров предварительной языковой обработки сознания и последующих за ними реактивных действий более, чем достаточно:

– сначала кризис объявляется (значит, он кому-то нужен? кем и для чего?), а потом он наступает (почему?, что ему можно противопоставить?, при каких условиях он может окончиться и окончится ли вообще?);

– идею социальной защиты развенчивают, а потом игнорируются все социальные льготы и завоевания (продолжительность рабочего дня и недели, регулярность выплаты заработной платы и ее индексация в связи с инфляцией, пенсионные пособия, право на труд и отдых и пр.);

– лишают заковыченные названия юридических прав (*Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный технический университет», Коммунальное учебно-воспитательное дошкольное учреждение «Детский сад-ясли № 25», Коллективное предприятие «Шахта им. А.Ф. Засядько»*), а потом их с легкостью «оптимизируют» (ведь после лингвистических манипуляций это уже не университеты, детские сады или шахты, а какие-то абстрактные заведения, учреждения или коллективные предприятия);

– вводятся в речевое сознание слова-понятия *зачистка, килер, крышевать, национальные герои, оптимизация, рейдеры, коллекторская деятельность*, а потом они приобретают возвышенный ореол и становятся для молодого поколения чуть ли не идеалом и целью их действий, оценок и поступков;

– убеждают граждан Украины, что учителя, ученые, воспитатели, врачи – главные коррупционеры и взяточники, не имеющие особой ценности для общества и государства, что *Анна, Владимир, Николай, Михаил, Елена* – это *Ганна, Володимир, Микола, Михайло, Олена*, а потом первых можно ограничить в зарплате и всех без исключения считать украинцами (это в многонациональной-то стране!);

– внедряются в сознание обывателя, что главные события в государстве и мире – убийства, похищения, разбой, финансовые махинации, ограбления, драки депутатов, элитные тусовки, а потом заставляют людей забыть о жизни семьи, предприятия, о настоящей работе и профессиях, о заработной плате как единственном источнике дохода и мечтать, как бы стать «вот таким миллионером» (а лучше миллиардером!).

Вывод из анализа современной языковой жизнедеятельности неутешителен не только по отношению к конкретному языку или к языку вообще, но, самое главное, к обществу, которое можно легко направить в антиобщественную парадигму существования при помощи языковых иллюзий. Иллюзативность языка – диагноз опасный, но он поставлен. Другой вопрос, сумеет ли в определенном смысле больное общество противостоять этому рецидиву. Наверное, «да», прежде всего потому что оно пока еще есть. Но исцелить его может только любовь к Слову. В этой любви великое предназначение филологии не только как науки, но и как способа современного мышления, ограждающего общество от его поглощения иллюзативной антифункцией и несущего ответственность за сохранение всего гуманитарно-языкового мирового пространства. Как это сделать – предмет следующего разговора.

Литература

1. Мозговой В.И. Русская культура в украинском языковом контексте: политика и реальность / В.И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010, № 3 – М. : Российский университет дружбы народов, 2010. – С. 13-18. [Серия «Русские языки и иностранные языки и методика их преподавания»].

2. Мозговой В.И. Историко-философские предпосылки формирования современной модели управления в Украине / В.И. Мозговой // Научные труды ДонНТУ – Серия: Экономическая. Выпуск 41. – Донецк : Донецкий национальный технический университет, 2012. – С. 167-174.

3. Поллок Ш. Филология будущего? Судьба мягкой науки в жестком мире [Электронный ресурс] / Шелдон Поллок // Новое литературное обозрение. – 2011. – №110. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/1082>.

4. Стернин И.А. К проблеме состояния русского языка: кризис или развитие? / И.А. Стернин // Вестник российско-таджикского славянского университета, №4 (22). – 2008.